

**МОДЕРНИЗМ КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ
СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ
МЫСЛИ. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ**

В статті йдеться про витоки та особливості функціонування продуктивно укоріненої в літературознавстві епохальної концепції модернізму.

Ключові слова: *модерн, модернізм, культурологічний дискурс, філологічний дискурс, епохальна концепція модернізму.*

В статье прослежены истоки и особенности функционирования продуктивно укоренившейся в литературоведении эпохальной концепции модернизма.

Ключевые слова: *модерн, модернизм, культурологический дискурс, филологический дискурс, эпохальная концепция модернизма.*

In the article the origins and peculiarities of the epochal concept of modernism which are entrenched in literary criticism are traced.

Key words: *modern, modernism, cultural discourse, philological discourse, epochal concept of modernism.*

90-е годы XX века в лексикон гуманитариев и, в частности, литературоведов активно начали входить такие тесно связанные между собой понятия, как *модерн, модернизм и постмодернизм*. Их семантика, принципы дифференциации, категориальная идентификация остаются *открытой проблемой современной науки*. Необходимость осмысления феномена литературного модернизма в контексте актуальной сегодня гуманитарной методологии была подчеркнута и участниками научной конференции «Лики XX века. Модернизм: метод или иллюзия?» [9]. При этом ученые сосредоточились на вопросах: «Возможно ли в принципе вывести для модернизма некий универсальный терминологический ряд, определенную систему координат? Существует ли вообще понятие «модернизм», устоявшееся и принятое в мировой литературной науке, — или модернизм по-прежнему остается фантомом, призраком, многие десятки лет неприкаянно бродящим по Европе и Америке? На эти вопросы в ходе конференции предлагались самые разные ответы» [5].

Материалы конференции конкретизировали болевые точки филологической науки по проблеме литературного модернизма, что в свою очередь задало направление исследовательской практики в данной статье.

Исходим из того, что концепты «модерн» и «модернизм» семантически связаны с понятием современность, художественная новация, мода, и каждый случай научного обращения к ним имплицитно подразумевает этот смысловой акцент. В силу широты подходов гуманитариев к данным понятиям, парадигмы их значений, актуализированных в науке, характеризуются многозначностью и даже противоречивостью. В разных научных областях: *философии, эстетике, искусствознании, культурологии и литературоведении* разработаны *автономные концепции* как явления модерна, модернизма и постмодернизма, так и их генезиса. Отличия здесь принципиальны: по показателю объекта концептуализации, хронологических границ проявления и др., что в отдельных гуманитарных дискурсах создает прецедент разночтения понятий «модерн», «модернизм» и «постмодернизм». В филологической области знания актуальным представляется вопрос обобщения исследований по уже намеченным в литературоведении *категориальным уровням* концептуализации данных понятий, таким как: номинация эпохи, литературное направление, дискурс, литературный метод, тип литературного сознания.

Цель нашей первой статьи — проследить истоки и особенности научного функционирования концепта «модерн» и эпохальной концепции модернизма в гуманитарных дискурсах.

Обратим внимание на то, что именно в философском дискурсе уже достаточно давно термином *модерн* означает *тип культурной эпохи* и трактуется он соответственно как *номинация эпохального порядка*. Сами философы просматривают истоки такого подхода в трудах и письмах немецких романтиков Ф. Шлегеля и Новалиса. Современный немецкий философ Ю. Хабермас называет и Гегеля инициатором спора о модерне как эпохе «нового времени», отмечая: «Гегель однажды использует понятие модерна в историческом контексте как понятие эпохи: «новое время» есть «время модерна» [18, 10]. Именно

Гегель, по мнению ученого, был «первым философом, который развил ясное понятие модерна» [18, 9]. Ю. Хабермас констатирует: «Первое, что Гегель открывает в качестве *принципа нового времени* — это *субъективность*. Исходя из этого принципа, он объясняет как превосходство мира модерна, так и его кризисное состояние: этот мир испытывает себя одновременно и как мир прогресса, и как мир отчужденного духа» [18, 13].

На протяжении двух последних десятилетий XX века философская и культурологическая мысль характеризуется активной разработкой *концепции модерна как типа эпохи*, заданной исторически, и *как саморефлексивно сложившегося типа культуры*, которому соответствует и *тип культурного сознания*. Именно такое понимание терминов «модерн», «модернизм» и следующего за ним «постмодерна», «постмодернизма» находим в работах Н. С. Автономовой, И. П. Ильина, М. С. Кагана, Н. Б. Маньковской, Н. В. Мотрошиловой, В. А. Подороги, Ю. Хабермаса, П. Козловски и других авторов. Показательно, что проблематика модерна и модернизма в культурологическом дискурсе XX века чаще всего рассматривалась в связи с вопросом о предтече постмодерна. Так, П. Козловски как культуролог, обращаясь к проблематике постмодерна, в своих работах прослеживает отношения современной и постмодерной моделей культуры [7].

В исследованиях философов и культурологов мотивированы хронологические характеристики эпохи модерна. В качестве верхней границы первого периода в разных интерпретациях указывается вторая половина XVII–XVIII в. (по другой версии — эпоха Просвещения), и простирается он до конца (или до последней трети) XIX в. В терминологии П. Козловски этот период определен как *послепросветительский модерн*. Второй период берёт своё начало на рубеже XIX–XX вв. П. Козловски ограничивает его 30-ми годами XX века и определяет как *классической модерн*, за которым следует период *зрелого модерна*. Дискуссионным остается вопрос о его продолжении или завершении на границе эпохи «постмодерна». Петер Козловски констатирует: «Современное культурное сознание характеризуется противостоянием двух теорий современной

эпохи. Согласно одной из них — мы живем еще в эпоху модерна, проект которой несколько рассеянный, диффузный, еще должен быть завершен. Другая теория рассматривает настоящее как эпоху постмодерна, которая должна сохранить определенные импульсы предыдущей эпохи... и одновременно развить их дальше в новый синтез субстанциональности и модернизации» [7, 21]. Обратим внимание: вопрос об отношениях *художественного модернизма и постмодернизма* в современной гуманитарной мысли не получил однозначной научной оценки. С одной стороны, утверждается преемственность модернизма и постмодернизма как систем одного культурного пространства парадоксального XX века, в рамках которого, несмотря на особенности внутренней динамики национальных культур, проявилась определенная общность эпистем, концептосфер, художественных форм, эстетических стратегий (позиция М. Кагана [6], Н. Б. Маньковской [10] и др. Вместе с тем, столь разные ценностно-смысловые ориентиры культурного сознания представителей модернизма и постмодернизма провоцировали в критике их оценку как двух автономных парадигмальных феноменов, в отношениях между которыми можно зафиксировать не столько притяжение, сколько отталкивание (позиция Ихаб Хассана [16], точка зрения Вячеслава Курицына [8]. В данном случае мы только констатируем факт очевидной научной полемики, ее разрешение не входит в проблемное поле рассматриваемого в статье вопроса.

Еще раз обратим внимание на то, что термином «модерн» в философском и культурологическом дискурсах принято определять эпоху, начало которой связано с XVIII в., и которая продолжается, по одним оценкам, по сей день, по другим — уже завершилась. В этих научных дискурсах термин «модерн» означает в первую очередь социокультурный аспект явления. Известны и филологические обращения к данному понятию, ориентированные на представленную культурологическую концепцию. Но цели и проблемное поле таких исследований сопряжены с областью филологического знания. Например, в статье Б. Б. Шалагинова «Эпоха модерна как поворотный этап от универсальных стилей к творческим методам в запад-

ной литературе» обобщается эстетический и художественный опыт Германии на рубеже 17–18 вв. с учетом трансформации «универсальных» стилей прошлого (античность, Высокое средневековье, Барокко) и преодоления «партикуляризации» художественного творчества [19].

Однако в филологическом дискурсе ориентация на разработанную культурологами эпохальную концепцию модерна является скорее не правилом, а исключением. Представители всех гуманитарных дисциплин едины в том, что рубеж XIX–XX вв. в контексте Нового времени стал своего рода «точкой бифуркации», переходной культурной ситуацией. При этом данное порубежье, определенное культурологами новым периодом эпохи модерна, в искусствоведческом и филологическом дискурсах, как правило, категориально связывается с другой оценочной традицией. Она закладывалась европейской критической мыслью конца XIX века, обозначившей современные ей новаторские тенденции в искусстве как модерные. Вспомним, что еще Ш. Бодлер, а затем А. Рембо акцентировали «необходимость современного художника быть абсолютно современным». В данном ключе в конце века эта проблема была поставлена и Г. Брандесом в серии статей «Люди модерна прорыва» (1883), где прослежен переход и единство линий романтической и неоромантической проблематики. На уровне типологических категорий, позволяющих европейскому критическому сознанию конца XIX — начала XX веков конкретизировать свой опыт систематизации новаторских явлений в искусстве, востребованной оказалась категория стиля, в разных национальных культурах обозначенного по-разному: модерн, арт нуво, югенд-стиль, сецессион, либерти. Семантически все эти названия сопряжены с концептом «модерн». Стиль модерн еще изначально трактовался как последний большой стиль в европейской культуре рубежа XIX–XX вв. Особо рельефно и системно он проявился в архитектуре, прикладных искусствах, охватив так же и изобразительные искусства — живопись, графику, скульптуру, что констатируют уже наши современники [15]. Опыт изучения стиля модерна в разных видах искусств, включая и его литературные проекции, делает очевидным единство мыс-

лительной и духовной атмосферы эпохи порубежья, на что уже обращали внимание отдельные исследователи (Е. А. Борисова, Г. Ю. Стернин, А. И. Голота, С. А. Стерноу, Ж. П. Мидан и др.). Потребность в терминологической базе, способной более адекватно передать единство современного менталитета, а не только его стилевые интенции, очевидно и побудила исследователей расширить функционально-семантическое поле концепта «модерн» как термина. В работах искусствоведов последнего десятилетия при обращении к понятию «модерн» намечается тенденция к изменению его толкования в сторону эпохальной номинации [1 и др.].

В начале XXI века можно отметить несколько знаковых интегральных проектов гуманитариев, в рамках которых, развивая *концепцию модерна как эпохи конца XIX — начала XX вв., типа культурного сознания*. Внимание исследователей сосредоточилось на проблематике европейского модерна. Например, проведение международной конференции и издание ее материалов под названием «Эпоха «модерн» [17]. В редакционном обращении к читателю материалов конференции отмечено: «Несмотря на плюрализм суждений, участники конференции были единодушны в том, что понятие «модерн» следует рассматривать, с одной стороны, как уникальный художественно-культурный феномен, развившийся в урбанистической среде Европы на рубеже XIX—XX веков, а с другой — как многосоставный культурно-исторический процесс, трансформировавший все сферы жизни» [17, 12]. В числе организаторов конференции преобладали известные искусствоведы, филологи и культурологи, сформированные на фоне искусствоведческого опыта. Опираясь на хорошее знание определенной области европейской художественной культуры конца XIX — нач. XX веков, специалисты были едины в констатации кардинальных изменений творческого мышления порубежья, в разработке дефиниций, позволяющих объединить широкий поиск деятелей искусства, что нашло выражение в определении данного периода *художественной жизни Европы как эпохи модерна*.

В филологическом дискурсе эта тенденция также получила развитие: например, литературовед Н. Ю. Грякалова свою но-

вую книгу назвала «Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо», в которой «актуализируя проблему становления многообразных форм творчества, мировосприятия, эстетической рефлексии и литературного поведения в эпоху модернизма», исследовательница рассматривает образ «человека модерна», т. е. литературного героя русских писателей-модернистов конца XIX—начала XX веков, «как особый культурно-антропологический тип, который получает оценку в парадигме его литературных и жизнетворческих реализаций» [2, 2].

В современных гуманитарных дискурсах наряду с понятием модерн активно используется и понятие «модернизм». У историков культуры они функционируют как синонимы, означая период культурного развития, начавшийся в последней трети XIX в. М. С. Каган пишет: «На рубеже XIX и XX столетий развитие культуры *вступает в новую фазу*, наиболее точным названием которой является Модернизм. Хотя в нашей литературе это понятие употребляется, как правило, для обозначения определенных явлений одной только истории искусства XX века, а на Западе им охватывают иногда всю историю культуры Нового времени, здесь (т. е. в работе М. С. Кагана. — *Н. С.*) понятие это будет обозначать *тип культуры — а не только искусства — первой половины XX столетия*» [6, 371]. Модернизм в таком случае трактуется как период переходный, свидетельство динамики модерна в направлении социокультурной ситуации, типа культурного сознания, культурной эпохи, которая получила определение «постмодерн».

Концепты «модерн» и «модернизм» как эпохальную номинацию украинские литературоведы (Д. Наливайко [13], Т. Гундорова [3], С. Павлычко [14], Н. Моклица [11], В. Моренец [12] и др.) активно начали вводить в филологический дискурс еще в 90-е годы прошлого века, не ограничившись только этим значением. Будучи адептами постструктуралистской гуманитарной методологии, украинские исследователи в новой научной опции прочитывали явления раннего украинского и европейского модернизма, расширяя филологический инструментарий в подходе к феномену литературного модернизма (на чем подробнее остановимся во второй статье).

С. Павлычко, занимаясь изучением не только украинской, но и зарубежных литератур, сделала принципиальное заключение и предостережение в плане методологии исследования литературного модернизма: «Модернізм містить чи не найбільше парадоксів, чи не найважче піддається дефініціям, а крім того, має фундаментальні національні відмінності. Усе це ставить під сумнів його єдність як загальноєвропейського явища» [14, 17–18]. Данная сентенция, являясь результатом филологического подхода к решению проблемы модернизма, констатирует и неразработанность научных дефиниций, позволяющих в литературоведческом дискурсе целостно охватить столь неоднородное явление, как европейский или национальный литературный модернизм. Развивая идею С. Павлычко и опираясь на собственный опыт осмысления проблемы, можно сделать некоторые заключения.

— В изучении модернизма философская и культурологическая мысль вышла на определенные обобщения, парадигмально обозначив признаки культурного явления рядом эпохальных характеристик.

— Разновекторность методологических подходов, на основании которых культурологами разворачиваются модернистские парадигмы, не предполагает единства, устойчивости и наконец завершенности решения вопроса в данном дискурсе. Их модернистские парадигмы разнообразны до взаимоисключающих показателей. В тех случаях, когда филологическая аналитика тяготеет к горизонту культурологической рефлексии, литературоведы опираются на эти парадигмы, как правило, иллюстрируя только отдельные их позиции. Например, культуролог А. К. Якимович модернистскую парадигму начала XX века определяет как биокосмическую, делая заключение: «В качестве культуротворческих, духовных, художественно плодотворных идей и принципов предлагаются такие гипотетические факторы и силы, *как экстаз*, магически-шаманские практики (в том числе стилизованные в виде «культурного» оккультизма), а также спасительная дикость, жизнь и сила как самостоятельная, не нуждающаяся в моральном оправдании ценность» [20, 9].

Литературовед А. А. Житенев, преломляя структурные показатели этой культурологической парадигмы в филологиче-

ское русло, в статье «Экстаз как категория модернистского автومتаяописания» констатирует: «Для модернизма важнейшей категорией метаяописания является «экстаз», трактуемый как превосхождение данности, возвышение над самим собой» [4, 52]. Здесь склонность к экстазу рассматривается как один из признаков модернистского сознания, но вопрос о месте этого показателя в общей системе признаков литературного сознания данного типа остается открытым.

— В современной научной ситуации очевидна тенденция к интегрированию филологического и культурологического дискурсов. Эпохальная концепция модерна и модернизма, разработанная культурологами, филологам дает методологическую установку к поиску дефиниций, позволяющим в литературоведческом дискурсе конкретизировать общность аксиологических приоритетов писателей-модернистов конца XIX — начала XX веков.

— Литературоведческая наука располагает своим объектом — первостепенным литературоведческим аргументом (о котором настойчиво в своих работах напоминал М. Бахтин, обращая внимание на произведение и текст произведения), в системе которого необходима разработка категориального инструментария, позволяющего конкретизировать и предметно уточнить модели и парадигмы, на которые вышли в научной рефлексии феномена модернизма отдельные представители смежных гуманитарных дисциплин (в частности, философы, изучающие культуру и культурологи) в процессе генерирования общегуманитарного опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герман М. Ю. Модернизм. Искусство первой половины XX века / М. Ю. Герман. — СПб.: Азбука-классика, 2003. — 480 с.
2. Грякалава Н. Ю. Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо» / Н. Ю. Грякалава. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. — 384 с.
3. Гундорова Т. Проявления Слова. Дискурсія раннього українського модернізму. Постмодерна інтерпретація / Т. І. Гундорова — Львів: Літопис, 1997. — 300 с.

4. Житенев А. А. Экстаз как категория модернистского автометаописания / А. А. Житенев. // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2009. — Вып. 31. — С. 52–57.
5. Зиновьева А., Панова О. «Лики XX века. Модернизм: метод или иллюзия?». Вторая всероссийская конференция памяти Л. Г. Андреева (Москва, МГУ, 18–20 июня 2009 г.) // А. Зиновьева, О. Панова // НЛО, — 2010, — № 102. <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/>.
6. Каган М. С. Философия культуры / М. С. Каган. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. — 416 с.
7. Козловски П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития: Пер с нем. / П. Козлавски. — М.: Республика, 1997. — 240 с.
8. Курицын В. Н. Русский литературный постмодернизм / В. Н. Курицын. — М.: ОГИ, 2000. — 288 с.
9. Лики XX века: сб статей / Отв. ред. Н. А. Соловьева — М.: Юстицинформ; Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009. — 464 с.
10. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма / Н. Б. Маньковская. — СПб.: Алетейя, 2000. — 347 с.
11. Моклиця М. В. Модернізм як епоха в історії європейської культури: спроби структуризації /М. В. Моклиця. // Наука і освіта: Зб. наукових праць. Кн. 1 / Ред. М. І. Дубина. — К. : Хрещатик, 1997. — С. 191–194.
12. Моренець В. П. Національні шляхи поетичного модерну першої половини XX ст.: Україна і Польща / В. П. Моренець. — К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2001. — 327 с.
13. Наливайко Д. Про співвідношення «Декадансу», «Модернізму», «Авангарду» / Д. Наливайко // Слово і час. — 1997. — № 11–12. — С. 44–48.
14. Павличко С. Дискурс модернізму в українській літературі / С. Павличко. — К.: Либідь, 1997. — 360 с.
15. Сарабьянов Д. В. Стиль модерн / Д. В. Сарабьянов. — М.: Искусство, 1989. — 292 с.
16. Хассан І. Культура постмодернізму / І. Хассан. // Вікно в світ. — 1999. — № 5. — С. 99–111.
17. Модерн. Модернизм. Модернизация: По материалам конференции «Эпоха «модерн». Нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX–XX веков. Россия. Австрия. Германия. Швейцария / Н. С. Павлова (отв. ред.), О. В. Павленко. — М.: РГГУ. 2004. — 526 с.

18. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. — М.: Весь Мир, 2003. — 416 с.
19. Шалагінов Б. Б. Епоха модерну як поворотний етап від універсальних стилів до творчих методів у західній літературі / Б. Б. Шалагінов // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. — 2004. — № 16. — С. 142–144.
20. Якимович А. К. Парадигмы культуры XX века / А. К. Якимович // Культурология: Дайджест. — М.: ИНИОН, 2009. — № 1 (48). — 206 с. — (Сер.: Теории и истории культуры / Ред. совет: Скворцов Л. В., пред., и др.).